

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Рябова Ю.В. Трудовой контингент в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР (1947-1953): численность, трудоустройство, состав рабочего фонда // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69338 EDN: ANNLYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69338

Трудовой контингент в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР (1947-1953): численность, трудоустройство, состав рабочего фонда

Рябова Юлия Владимировна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра «Управление в социальных и экономических системах, философия и история»,
Уральский государственный университет путей сообщения

620034, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66

✉ YuRyabova@usurt.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69338

EDN:

ANNLYG

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2023

Дата публикации:

07-02-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию трудового контингента в Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР в период с 1947 по 1953 гг. Целью публикации является выявление состава и численности трудящихся, задействованных в производственной сфере ИТЛ, их трудовой занятости. Хронологические рамки исследования охватывают период с момента образования лагеря и до времени начала коренной перестройки системы советского ГУЛАГа. На основе архивных материалов текущего архива ГУФСИН по Кемеровской области рассматривается динамика изменения численности, как заключенных исправительно-трудового лагеря, так и вольнонаемных рабочих, а также степень их трудоустройства. Особое внимание уделено вопросам трудоустройства лагерного контингента в производственной сфере ИТЛ. Выявлены

причины, в силу которых трудовые функции заключенным контингентом не всегда выполнялись, а также приведена статистика по каждой из них. Особое внимание уделяется процессам трансформации рабочего фонда в 1953 г. и переходу лагеря к использованию преимущественно вольнонаемных рабочих. При изучении данного вопроса в работе использовались общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и специальные исторические методы (методы количественного анализа и статистической обработки материалов). Новизна работы заключается в использовании неопубликованных архивных документов и обращении к краеведческой проблематике, которая не получила широкого научного освещения, в частности, производственной деятельности одного из крупнейших лесозаготовительных лагерей Кузбасса - Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР. Автор приходит к выводу, что основу трудового фонда Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР составляли преимущественно заключенные, численность которых до 1953 г. ежегодно увеличивалось, что способствовало быстрому сокращению недостатка кадров в лесозаготовительной отрасли юга Кемеровской области. Анализ документов показал, что в период с 1947 по 1953 гг. на производстве использовались от в среднем от 65% до 73% от общего состава заключенных, труд 12%-15% содержащегося контингента применялся на хозяйственном обслуживании лагеря, а остальные 13%-25% не работали по разным причинам. Среди причин простоев можно выделить как уважительные, связанные с отсутствием условий для трудовой деятельности, так и неуважительные, основанные на саботаже и нарушениях заключенными дисциплины.

Ключевые слова:

Кемеровская область, Горная Шория, принудительный труд, исправительно-трудовой лагерь, Южкузбаслаг, лагерная экономика, лесозаготовка, заключенные, ГУЛАГ, СССР

Вопросы возникновения, становления и функционирования лагерного сектора в экономике советского государства до сих пор остаются в поле зрения современных исследователей. Несмотря на то, что пик изучения данной проблематики пришелся на вторую половину 1980-х – 1990-х, когда появился доступ к ранее засекреченным архивным материалам, сегодня интерес историков к этой неоднозначной и дискуссионной теме по-прежнему присутствует. В настоящее время особое значение имеют региональные исследования, раскрывающие сущность и характер отдельных пенитенциарных учреждений, являющихся частью гуглаговской системы. Такой подход позволяет вывить специфику принудительного труда, как в разных производственных отраслях, так и в отдельных местностях.

Отметим, что идея использования труда осужденных в современном обществе продолжает существовать, но уже совершенно в других условиях — в реалиях правового государства. В последнее время все чаще появляются высказывания российских государственных деятелей (например, директора ФСИН А. Калашникова и министра юстиции К. Чуйченко), которые предлагают использовать заключенных вместо трудовых мигрантов из-за рубежа, что будет способствовать решению вопроса нехватки рабочей силы в некоторых регионах страны^[1]. Создание исправительных центров на крупных промышленных объектах или строительных площадках позволит осуществить реализацию права на отбытие наказание в виде исправительных работ, а также будет иметь важное социальное и экономическое значение. В связи с этим обращение исследователей к вопросам использования труда заключенных в недавнем прошлом приобретает особое

значение, т.к. позволяет провести анализ уже имеющегося исторического опыта и не допустить повторения негативных явлений, ущемляющих права человека.

В настоящее время отечественная и зарубежная историография располагает достаточным материалом, раскрывающим сущность советской лагерной системы и экономики принудительного труда. С 30-х гг. и до середины 80-х гг. XX в. советская историческая наука даже не упоминала о существовании лагерной экономики, о так называемом «спецконтингенте» и его трудовой деятельности, имеющей место во всех сферах промышленного производства. Документы, свидетельствующие о принудительном трудоиспользовании осужденных граждан, хранились в государственных архивах под грифом «секретно» и «совершенно секретно».

Произошедшая архивная революция середины 80-х гг. XX в. стала тем рубежом, который обозначил точку отсчета в изучении советской тоталитарной системы в целом. В печати появились сборники [\[6, 10, 15, 19\]](#) ранее засекреченных документов, раскрывающие сущность советского тоталитаризма, производственно-хозяйственной деятельности ГУЛАГа, советской пенитенциарной системы, политических репрессий, массовой депортации народов и других ранее не доступных для исследования вопросов. В научный оборот стало вводиться немалое количество статистических данных, характеризующих количественные характеристики лагерной системы (например, численность спецконтингента по отдельным группам, число и дислокация ИТЛ и колоний, объемы лагерного производства по отраслям и т.д.).

Особый интерес для общества и исследователей представляли свидетельства непосредственных участников событий, воспоминания репрессированных и бывших узников советской исправительно-трудовой системы. По инициативе членов всероссийской общественной организации «Мемориал» проходил сбор и распространение сведений о жертвах политических репрессий, появились первые книги памяти. Увеличивалось количество монографий, коллективных трудов, диссертаций, посвященных вопросам сталинизма. Значительный вклад в изучение различных аспектов советского тоталитаризма внесли такие отечественные исследователи как А. В. Бакунин [\[11\]](#), А. П. Бутенко [\[4\]](#), В. А. Бердинских [\[2\]](#), М. Г. Детков [\[7\]](#), В. Н. Земсков [\[8\]](#), Г. М. Иванова [\[9\]](#), А. С. Кан [\[11\]](#), А. С. Смыкалин [\[16\]](#), О. В. Хлевнюк [\[18\]](#), С. Эртц [\[20\]](#) и др. Широкое распространение получили региональные исследования, раскрывающие сущность системы принудительного труда непосредственно на местах дислокаций исправительно-трудовых учреждений (преимущественно в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке), позволяющие выявить как частные, так и общие тенденции, дополнить уже известные сведения о деятельности репрессивного аппарата советского государства, выявить специфику. Несомненный интерес представляют работы Кустышева А. Н. [\[12\]](#), Морозова Н. А. [\[13\]](#), Папкина С. А. [\[14\]](#), Упадышева Н. В. [\[17\]](#) и других авторов.

В частности, на территории Западной Сибири, в Кемеровской области, начиная с конца 1920-х – нач. 1930-х гг., размещалась целая сеть исправительно-трудовых учреждений. В нее входили отдел исправительно-трудовых колоний УНКВД по Кемеровской области, Сибирский лагерь, Горшорлаг, проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР № 0314 и 0315, Кузбассжилстрой, Кемеровожилстрой, Араличевстрой, Томусинский ИТЛ, особый «Камышлаг», Севкузбасслаг и Южкузбасслаг. Кузбасские историки (Л. И. Гвоздкова, А. А. Мить, С. Г. Марченко и другие), основываясь на сведениях местных ведомственных архивов МВД и ФСИН России, обратились к проблеме размещения и функционирования данных исправительно-трудовых учреждений в Кузбассе, но часть вопросов, раскрывающих особенности пенитенциарной практики Кемеровской области в сталинские

годы, требует еще дополнительного изучения.

В рамках данной статьи автор считает необходимым обратиться к вопросу численности и состава рабочего фонда, трудоустройства заключенного контингента одного из крупнейших лесозаготовительных лагерей региона — Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР. Хронологические рамки статьи определены 1947 г., временем образования ИТЛ, и 1953 г., периодом начала трансформации ГУЛАГа.

Начало деятельности Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР относится к позднему гулаговскому периоду, к 1947 г. Лагерь был организован на основании Постановления Совета Министров СССР № 409 от 1 марта 1947 г. и Приказа МВД СССР № 00241 от 4 марта 1947 г. на месте лесозаготовительного треста «Южкузбасслес» [\[10, Т. 2, с. 314–318\]](#). За все время своего существования ИТЛ неоднократно подвергался структурным реорганизациями и менял ведомственное подчинение. Территориально лагерь размещался на юге Кемеровской области в труднодоступном районе Горной Шории, где основу природного ландшафта составляла непроходимая сибирская тайга, чередовавшаяся с логами, хребтами и болотами. Климатические условия этой местности также отличались суровостью.

Основу промышленного производства ИТЛ составляла лесозаготовка, от объемов которой зависело обеспечение угледобывающих шахт юга Кузбасса необходимыми лесоматериалами, в частности, крепежным лесом. Именно для выполнения этой производственной задачи лагерь и был образован. Но деятельность Южкузбасслага была значительно шире и включала функционирование таких промышленных направлений как деревообработка, представленная лесопилением и производством товаров народного потребления, и сельское хозяйство. На Абагурском, Шушталепском и Малиновском лесопильных заводах, располагавшихся на территории ИТЛ, изготавливали пиломатериалы из круглого леса, которые отправлялись предприятиям-заказчикам, а также частным лицам, заключившим с Южкузбасслагом договор. Производство товаров широкого потребления (стульев, шкафов, кроватей и др.), организованное в мастерских лагеря, приносило лагерю стабильный денежный доход, а продукция пользовалась высоким спросом у населения.

Организация сельскохозяйственного производства в ИТЛ была необходимой мерой, т. к. удаленность от основных баз снабжения, нерегулярные поставки продовольствия, порча продуктов во время длительной транспортировки приводили к нерегулярному поступлению продуктов питания. Развитие растениеводства происходило в крайне неблагоприятных природных условиях, что значительно повышало трудозатраты и препятствовало получению высоких урожаев. В более выгодных условиях находилось животноводство, поскольку природные особенности Горной Шории благоприятствовали разведению крупного рогатого скота.

Кроме перечисленных ведущих направлений в Южнокузбасском ИТЛ на регулярной основе осуществлялось строительство жилищно-бытовых и производственных объектов, способствующих формированию необходимой базы для проведения лесозаготовки и других видов промышленных работ. В результате чего лагерь превратился в крупный производственно-хозяйственный комплекс, который вплоть до 1953 г. ежегодно наращивал производственные мощности.

Главной рабочей силой ИТЛ были заключенные, но в связи с крайней ограниченностью источниковой базы определение его точного количества весьма затруднительно. Отечественные исследователи, опираясь на данные разных архивов, приводят

следующие сведения по общей численности контингента. Л. И. Гвоздкова [\[5, с. 513\]](#), ссылаясь на документы текущего архива УВД Кемеровской области и собственные расчеты, количество осужденных содержащихся в 1947 г. не указывает, а в 1948 г. начитывает 18970 чел., в 1949 г. — 18810 чел., в 1950 г. — 22403 чел., 1951 г. — 22830 чел., 1952 г. — 23035 чел. С. Филиппов и С. Сигачев [\[15\]](#) оперируют следующими цифрами: на 01.01.1948 г. — 13877 чел., на 01.01.1949 г. — 20072 чел., на 01.01.1949 — 20 072 чел., на 01.01.1950 г. — 18 364 чел., на 01.01.1951 г. — 21 211 чел., 01.01.1952 г. — 23 539 чел., на 01.01.1953 г. — 24 629 чел., на 15.07.1953 — 13 599 чел. Согласно данным текущего архива ФСИН по Кемеровской области, с которыми работал автор, среднегодовой списочный состав заключенных в 1947 г. составил 6830 чел. [\[2\]](#), в конце 1950, 1951 и 1952 гг. — 20935 чел., 23539 чел., 24629 чел. соответственно [\[3\]](#). Сведения о среднегодовом списочном составе в 1948 г. и 1949 г. в документах ведомственного архива отсутствуют.

Для сравнения приведем данные по численности рабочего фонда предшественника Южкузбасслага – треста «Южкузбасслес», который функционировал с 1940 г. по 1946 г. Именно в связи с дефицитом рабочих кадров и систематическим невыполнением плана по лесозаготовке, он был закрыт, а на его производственной базе создан лагерь. В 1940 г. в тесте насчитывалось 4498 чел., в 1941 г. — 5539 чел., в 1942 г. — 4004 чел., в 1943 г. — 5015 чел., в 1944 г. — 5443 чел., в 1945 г. — 5444 чел., в 1946 г. — 4520 чел. [\[4\]](#) Как мы видим, среднее количество трудящихся за годы работы предприятия колебалось от 4 тыс. до 5,5 тыс. человек. Сравнительный анализ численности контингента ИТЛ и треста показывает резкое увеличение рабочей силы до 18–23 тыс. человек, благодаря чему был решен вопрос кадрового голода в лесозаготовительной отрасли юга Кемеровской области.

Но давая оценку приведенным выше данным о численности контингента Южкузбасслага нужно учитывать разные подходы, которые использовались при подсчетах контингента составителями статистических документов в ИТЛ. Это могла быть «списочная численность на определенную дату» или «среднесписочная численность за определенный период». К сожалению, статистическая информация, приведенная выше Л. И. Гвоздковой, С. Филипповым и С. Сигачевым, не содержит данных о принципе подсчета, что может приводить к видимым расхождениям. К тому же, сам рассматриваемый статистический критерий динамичен. Он может изменяться почти ежедневно, что связано с освобождением или смертностью контингента, или, наоборот, прибытием новых этапов. Тем не менее, приведенные статистические данные, которые удалось обнаружить историкам, позволяют сформировать представление о масштабах применения принудительного труда в Южнокузбасском ИТЛ, проследить динамику изменения численного состава основного рабочего фонда.

Интерес для исследования представляет не только общая численность контингента, но и их трудовая занятость в производственной сфере Южкузбасслага. В архиве ГУФСИН содержатся данные о количестве осужденных Южкузбасслага, занятых на производстве. Так, в 1947 г. их было 3222 чел., в 1948 г. — 10387 чел., в 1949 г. — 12229 чел., в 1950 г. — 11745 чел., 1951 г. — 12612 чел., 1952 г. — 13363 чел. [\[5\]](#) Сопоставив эти данные с общей численностью, мы видим, что не все содержащиеся в лагере заключенные выполняли производственные функции, хотя существующая система требовала максимального использования их труда. Во многом это зависело от установленной категории трудоспособности. С 1935 г. устанавливались категории «А» — занятые на производстве, «Б» — занятые в хозяйственной службе, вооруженной охране,

управленческом аппарате, «В» — больные, временно освобожденные, выздоравливающие, «Г» — не работающие по внешним причинам. В 1949 г. согласно Приказу МВД СССР № 0418 от 25 июня 1949 г. «О мероприятиях по улучшению физического состояния и трудового использования заключенных, содержащихся в ИТЛ и ИТК МВД» определялись следующие категории: первая – годные к физическому труду, вторая – физически неполноценные заключенные, годные к легким работам, третья – имеющие тяжелые заболевания или увечья, не позволяющие работать (инвалиды)^[6]. На практике не всегда заключенным присваивалась та группа трудоспособности, которой он соответствовал. С одной стороны, администрация ИТЛ была заинтересована в увеличении численности трудоспособных трудовых ресурсов, с другой – заключенные могли симулировать или оказывать давление на членов медицинской комиссии с целью уменьшения физического профиля.

В таблицах 1 и 2 на основании документов, хранящихся в текущем архиве ГУФСИН по Кемеровской области, приведены сведения о трудовом использовании заключенного контингента по категориям, которые позволяют увидеть плановое и фактическое соотношение. Основной упор по выполнению трудовых задач приходился на лиц группы «А», а с 1950 г. — первой категории, которые были заняты на основных производственных лесозаготовительных работах. Фактическое их трудоустройство в среднем варьировалось от 65,3 % до 73,4 %. В период с 1947 г. по 1949 г. наблюдается тенденция увеличения численности заключенных, задействованных на производстве, а с 1950 г., наоборот, — уменьшение, достигнув своего минимального значения к 1953 г. Что касается плана, то он имел устойчивую динамику снижения с 83,1 % в 1947 г. до 69,9 % в 1952 г. Трудоиспользование группы «Б» или второй категории на хозяйственной обслуге находилось между 11,6 % и 14,5% от общего состава контингента ИТЛ, что превышало запланированные цифры. Трудоиспользование заключенных группы «В» или третьей категории на основных работах было затруднено по причине болезни. В 1947–1948 гг. их количество достигало наибольшего показателя за весь рассматриваемый период, что связано с большим поступлением физически ослабленного контингента. В последующие годы фактическое количество этой группы заключенных ежегодно сокращалось.

Таблица 1 – Трудовое использование в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР в 1947–1949 гг.
(%)

	1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Группа «А»	83,1	67,2	80,2	70,3	77,2	74,3
Группа «Б»	10,9	12,1	8,6	11,6	6,6	11,7
Группа «В»	4,5	15	9,6	13	13,1	10,9
Группа «Г»	1,5	5,7	1,6	5,1	3,1	3,1
Всего:	100	100	100	100	100	100

Источник: ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 27; Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 25(94); Ф. 14. Оп. 1. Д. 14. Л. 152.

Таблица 2 – Трудовое использование в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР в 1950–1953 гг.
(%)

	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
	% к списочному	% к списочному	% к списочному	% к списочному

	составу		составу		составу		составу	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Используемые на работах	73	69,7	70,3	67,2	69,9	68,4	73,1	65,3
Используемые в хозобслуге, аппарате, самообране, на других работах	11,5	14,5	12,9	13,4	13,3	12,4	11,2	12,1
Неработающие по болезни	12,7	11,6	10,9	10,5	9,6	9,1	7,3	8,8
Неработающие по разным причинам	2,8	4,2	2,4	3,8	1,9	4,2	2,8	7,4
Прочие неработающие	-	-	3,5	5,1	5,3	5,9	5,6	6,4
Всего:	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 200-201; Ф. 14. Оп. 1. Д. 21. Л. 14-15
Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 323-324; Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 263-264.

В Южкзбаслаге ежегодно имелось некоторое количество заключенных, которые не трудились на производстве по объективным причинам. К числу таких причин относились внутрилагерные переброски с одних подразделений или лагерных пунктов в другие, а также недостаток вещевого довольствия, особенно в зимний период, когда для работы в лесу требовались валенки, теплые бушлаты, рукавицы и шапки. Часто нехватка охраны для организации зон оцепления работы в тайге, отсутствие фронта работы в связи с неподготовленностью лесоучастков, болезнь или нахождение на отдыхе и в карантине приводили к вынужденным трудовым простоям. Из приведенного перечня причин мы видим, что часть невыходов на работу контингента происходила по вине администрации ИТЛ, которая не обеспечила необходимые условия для выполнения производственных заданий — охрану, одежду и обувь, фронт работ.

Но некоторая часть осужденного контингента, содержащаяся в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР, не выходила на работу без уважительной причины. В общей массе лагерного контингента присутствовали так называемые отказчики, которые индивидуально или в составе группы не выходили на работу. В большинстве случаев это явление носило протестный характер и приводило к дезорганизации лагерного уклада, негативно сказывалось на производстве. Еще одна группа заключенных, не вовлеченных в трудовой процесс, это нарушители дисциплины, находящиеся в карцерах и штрафных изоляторах за совершенные в лагере нарушения или преступления.

В таблицах 3 и 4 приведены сведения о причинах невыходов на работу заключенных Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР в 1947–1953 гг. Анализируя эти данные, мы можем сказать, что каждый год основные причины, по которым контингент не выполнял трудовую функцию, изменялись. В 1947 г. ведущей причиной можно назвать необеспечение вещевым довольствием, в 1948 г. и 1949 г. — непредставление фронта работы, в 1950 г. и 1952 г. — содержание заключенных в карцерах и штрафных изоляторах, в 1951 г. — отсутствие охраны, в 1953 г. — внутрилагерные переброски. На протяжении 1947–1953 гг. стабильно высокими оставались трудовые потери, связанные с

содержащимися в штрафном изоряторе (ШИЗО) и отказчиками. Но самое большое количество невыполнения заключенными своих трудовых обязанностей пришлось на 1953 г., когда после смерти И. В. Сталина началась структурная реорганизации лагерей ГУЛАГа и была объявлена массовая амнистия.

Таблица 3 –Количествонеработающих заключенных по прочим причинам в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР в 1947–1949 гг. (группа «Г») (тыс. человеко-дней)

	1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Внутрилагерные переброски	0	21	92	40	93,6	28
Формирование этапов	0	4	0	7	102,2	4
Содержание в карцерах и штрафных изоляторах	0	17	0	35	0	32
Отказчики	0	10	0	31	0	25
Необеспеченность вещдовольствием	0	67	0	55	0	16
Непредоставление работы	0	8	0	114	0	84
Прочие	0	0	51,2	2	16,4	12

Источник: ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 27; Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 25(94); Ф. 14. Оп. 1. Д. 14. Л. 152.

Таблица 4 – Количество неработающих заключенных по разным причинам в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР в 1950–1953 гг. (среднесписочная численность) (чел.).

	1950 г.		1951 г.		1952 г.		1953 г.	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Внутрилагерные переброски	345	112	410	109	175	122	–	337
Формирование этапов	0	110	0	31	0	45	–	155
Содержание в карцерах и штрафных изоляторах	0	140	0	157	0	397	–	200
Отказчики	0	93	0	91	0	104	–	165
Необеспеченность вещдовольствием	0	97	0	14	0	34	–	12
Непредоставление работы	0	0	0	50	0	35	–	87
Отдых и карантин	200	118	100	107	0	179	–	128
Отсутствие охраны	0	120	0	192	0	40	–	103
Вызовы в следственные органы	0	0	0	52	0	58	–	76
Обучающиеся с	–	–	–	–	–	–	–	–

отрывом производства	от	0	0	50	22	25	36	–	2
Всего:		545	790	560	825	200	1050	544	1265

Источник: ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 200-201; Ф. 14. Оп. 1. Д. 21. Л. 14-15
Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 323-324; Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 243.

Лагерная администрация пыталась сократить количество трудовых простоев контингента. С конца 1951 г. в Южкубаслаге началось создание постоянно действующих комиссий по изучению и ликвидации причин, приводящих к простоям рабочей силы. Убытки от нерационального трудоиспользования заключенных без уважительных причин, включая массовые простои, стали считаться нанесением материального ущерба государству и подлежали расследованию с вынесением наказания виновным лицам^[7]. Произошло усиление контроля за трудовой деятельностью осужденных, имеющих первую категорию трудоспособности. Категорически запрещалось их использование на хозяйственных и подсобных работах. Кроме того, отказникам и симулянтам, не выполняющим производственные нормы, не полгалось общее питание, а физически здоровые заключенные, помещаемые в ШИЗО, должны были выполнять трудовые функции под усиленной охраной. С целью сокращения потерь рабочего времени внутрилагерные переброски контингента следовало проводить только в выходные дни^[8].

Отметим, что в составе рабочего фонда ИТЛ присутствовала особая категория репрессированного населения — спецпереселенцы. В доступных автору источниках сохранились крайне скудные сведения об их численности и деятельности. Известно, что спецпереселенцы ранее работали в составе треста «Южккузбасслес», а осенью 1947 г. были переданы Южккузбасслагу. В ИТЛ при каждом лагерном отделении действовали спецкомендатуры, которые подчинялись отделу кадров лагеря^[3, с. 249]. В 1949 г. при лагере их насчитывалось 1144 чел.^[9] Еще одной группой, содержащейся в ИТЛ, были военнопленные, но в архивных документах присутствует только единственное упоминание об их количестве — 95 чел. в 1947 г.^[10]

Ошибочно полагать, что единственной рабочей силой ИТЛ являлись заключенные и репрессированные граждане. В составе трудящихся Южккузбасслага присутствовали и вольнонаемные кадры, но их количество ежегодно уменьшалось. В 1947 г. их численность составила — 5852 чел., в 1948 г. — 4332 чел., в 1949 г. — 3950 чел., в 1950 г. — 3835 чел., в 1951 г. — 3937 чел., а в 1952 г. сократилась до 3733 чел.^[11] Как правило, администрация лагеря использовала вольнонаемных рабочих на выполнении специализированных работ, а также требующих ответственного подхода или срочного исполнения. Они часто становились мастерами, приемщиками леса, руководителями курсовой подготовки, инженерами, начальниками участка, но в не всегда желали занимать низовые руководящие должности в связи с встречающимся враждебным отношением заключенных^[12].

В 1953 г. после объявления массовой амнистии произошло резкое сокращение численности лагерного контингента. Только во 2 квартале 1953 г. из Южккузбасслага освободились 10 тыс. заключенных^[13], а в течение 1953 г. — 16147 заключенных^[14]. Потеря количественного состава осужденных сопровождалась ухудшением дисциплины, ослаблением режима содержания, массовыми отказами от работы. Каждый день на работу не выводились до 2 тыс. чел.^[15] В результате трудовые потери по массовым отказам составили 21517 человеко-дней, по индивидуальным — 38738 человеко-дней, по

содержащимся в штрафных изоляторах — 73 тыс. человеко-дней^[16].

Кроме того, произошел отток квалифицированных кадров из числа контингента, используемого на приоритетном лесозаготовительном производстве, а также обслуживающего механизированный транспорт и производящего ремонтные работы. Для предотвращения сбоев в работе Южкузбасслага были приняты меры по сокращению численности рабочих на дополнительном производстве (сельское хозяйство, изготовление ширпотреба, хозяйственное обслуживание), организовано срочное обучение востребованным специальностям и началось форсированное проведение лесозаготовительных работ^[17]. Производственная деятельность лагеря не должна была прекратиться, и он должен был продолжать выполнять государственное задание.

Для решения сложившегося кадрового голода руководство Южкузбасспецлеса в соответствии с Приказом Министерства лесной и бумажной промышленности № 13-пс от 13 мая 1953 г. в кратчайшие сроки организовало набор вольнонаемных кадров, как из числа бывшего контингента, так и по оргнабору^[18]. Для приема рабочей силы лагерные отделения активно перестраивались, развернулось строительство жилых квартир для семейных рабочих, общежитий, рубленых и щитовых домов, культурно-бытовых объектов. По результатам 1953 г. план по введению жилплощади в эксплуатацию был выполнен на 169,3 %^[19], но качество жилищно-бытовых условий не соответствовало санитарно-гигиеническим требованиям (грязь, сырость, холод, скученность), а социальных объектов (больниц, детских садов, школ, ремонтных мастерских и т. д.) практически не имелось. В магазинах имелся ограниченный ассортимент товаров, возникали перебои с поставкой продовольствия, что вызывало недовольство прибывших рабочих.

В течение 1953 г. в ИТЛ трудоустроилось 7217 чел.: 949 амнистированных, 386 сезонных работников, 2869 постоянных рабочих, прибывших по оргнабору, 943 рабочих, принятых по договору, 2370 чел., нанятых на месте по заявлению^[20]. Поступившие кадры в условиях горной таежной местности крайне медленно осваивали лесозаготовительные специальности. В виду недостаточной организации производственного процесса со стороны Южкузбасспецлеса рабочие сталкивались с рядом проблем: не знали свои трудовые обязанности, не имели расчетных книжек, не распределялись по трудовым бригадам, не проходили обучение по технике безопасности и т.д.

В итоге в некоторых подразделениях (в Абагурском, Малиновском, Кондомском, Мундыбашском) начался самовольный уход вольнонаемных рабочих^[21] — ушли 333 чел., в том числе 262 чел. по оргнабору^[22]. Всего за весь 1953 г. оставили место работы 1646 чел., в том числе 580 чел. поступивших по оргнабору. Весной 1954 г. в связи с окончанием срока договора уехала большая часть трудящихся, что привело обратному процессу переоборудования жилого фонда в пункты для размещения заключенных^[23]. В результате чего, практика использования вольнонаемных кадров на лесозаготовках в качестве ведущей рабочей силы прекратилась. Люди добровольно не желали работать в отдаленной таежной местности, не имеющей необходимой социальной и бытовой инфраструктуры, и выполнять физически тяжелую работу в суровых климатических условиях.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что основу трудового фонда Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР составляли заключенные, количество которых ежегодно увеличивалось и к 1952 г. достигло более 24-х тыс. человек. Применение труда осужденного контингента

способствовало быстрому сокращению недостатка кадров в лесозаготовительной отрасли юга Кемеровской области. Трудовая деятельность осужденного контингента в лагере осуществлялась по четырем промышленным направлениям: лесозаготовка, лесопиление, сельское хозяйство и производство товаров народного потребления, но ведущим и приоритетным являлась заготовка древесины. В период с 1947 по 1953 гг. на производстве использовались от 65,3% до 73,4 % от общего состава заключенных, 11,6 %–14,5 % — на хозяйственной службе, остальные 13–25% не работали по разным причинам. Среди причин трудовых простоев можно выделить как уважительные, связанные с отсутствием условий для трудовой деятельности, так и неуважительные, основанные на саботаже и нарушениях заключенными дисциплины. Кроме того, в составе рабочего фонда ИТЛ имелись вольнонаемные кадры, количество которых ежегодно сокращалось и к 1952 г. их численность уменьшилось с 5852 чел. до 3733 чел. Но массовая амнистия заключенных, объявленная весной 1953 г., и реорганизационные изменения гугаговской системы привели к резкому сокращению общего списочного состава лагерного контингента, что поставило под удар производственную деятельность лагеря, который не только не был ликвидирован, но и продолжил выполнение поставленных задач. В 1953–1954 гг. был осуществлен переход от принудительного труда к вольнонаемному, но успеха он не имел по причине текучести кадров, связанной с неудовлетворенностью трудящихся условиями труда и быта. Произошел обратный переход к применению труда осужденного контингента, т.к. на тот момент это был самый быстрый способ ликвидации кадрового голода и выполнения производственных задач.

Примечание

[1] ФСИН захотела открыть в Сибири исправительный центр лесовосстановления для осужденных. Интерфакс. 20. 05.2021. URL: <https://www.interfax.ru/russia/767879>. (дата обращения: 10.11.2023 г.); Глава Минюста РФ одобрил идею замещения труда мигрантов заключенными. Интерфакс. 24.05.2021 г. URL: <https://www.interfax.ru/business/768416>. (дата обращения: 10.11.2023 г.).

[2] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 156.

[3] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 201; Ф. 14. Оп. 1. Д. 21. Л. 15; Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 324.

[4] Сост. по ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 64; Ф. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 87; Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Л. 53; Ф. 14. Оп. 1. Д. 6. Л. 60; Ф. 14. Оп. 1. Д. 7. Л. 59; Ф. 14. Оп. 1. Д. 8. Л. 99; Ф. 14. Оп. 1. Д. 9. Л. 93.

[5] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 66-67; Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 102-103; Ф. 14. Оп. 1. Д. 14. Л. Б/н; Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 140(222)-141(223). Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 86(92)-97(93). Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 243-244.

[6] ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 294-295.

[7] ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 58. Л. 133.

[8] ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 58. Л. 133-134.

[9] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 14. Л. Б/н.

[10] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 66-67.

[11] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 66-67; Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 102-103; Ф. 14 Оп. 1. Д. 14. Л. Б/н; Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 140(222)-141(223). Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 86(92)-97(93). Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 243-244.

[12] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 81.

[13] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 262.

[14] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 276.

[15] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 3(43).

[16] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 273-274.

[17] ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 91. Л. 84.

[18] ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 90.

[19] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

[20] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 76.

[21] ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 88. Л. 144.

[22] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 76.

[23] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 46. Л. 113.

Библиография

1. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Екатеринбург: Банк культурной информации. – Кн. I. Генезис, 1996. – 256 с.
2. Бердинских В. А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. – 768 с.
3. Бикметов Р. С. Производственная деятельность Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР в 1947–1952 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Материалы IV Всероссийских научных чтений. Кемерово, 2006. с. 248-253.
4. Бутенко А. П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // СОЦИС. 1998. № 6. – С. 28-37.
5. Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997. – 516 с.
6. ГУЛАГ. 1918–1960 / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк, 2000. – 888 с.
7. Детков М. Г. Тюремь, лагеря и колонии. – М.: Вердикт, 1999. – 448 с.
8. Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР. 1930–1960 гг. М., 2003. – 304 с.
9. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. – 438 с.
10. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: В 7-ми томах. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. – 696 с.
11. Кан А. С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР.

- // Отечественная история. – 2003. – № 1. – 120-133 с.
12. Кустышев А. Н. Европейский Север России в репрессивной политике XX в. Ухта, 2003. – 127 с.
13. Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956 гг. Сыктывкар, 1997. – 190 с.
14. Папков С. А. Лагерная система и принудительный труд в Сибири и на Дальнем Востоке в 1929–1941 гг. // Возвращение памяти: историко-архивный альманах. Новосибирск, 1997. – Вып. 3.– С. 37-67.
15. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, (1923–1960). Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского М., 1998. – 600 с.
16. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. – 368 с.
17. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Европейском севере России: генезис, эволюция, распад. Мурманск, 2008. – 322 с.
18. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. – 479 с.
19. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. 1930-е годы: Сб. док. / РАН. Ин-т рос. истории; сост. М. И. Хлусов. М., 1998. – 172 с.
20. Эртц С. Лагерная система в 193–1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. – С. 90-128.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью "Трудовой контингент в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР (1947-1953): численность, трудоустройство, состав рабочего фонда".

Предмет исследования - трудовой контингент в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР (1947-1953): численность, трудоустройство, состав рабочего фонда.

Методология исследования Методология исследования базируется на принципах научной объективности, системности и историзма. В работе использованы историко-хронологический и историко-генетический методы.

Актуальность исследования. Автор статьи отмечает, что "вопросы возникновения, становления и функционирования лагерного сектора в экономике советского государства до сих пор остаются в поле зрения современных исследователей", Пик исследования по данной теме пришелся на вторую половину 1980-х – 1990-х, когда появился доступ к ранее засекреченным архивным материалам, но и в настоящее время интерес историков к этой неоднозначной и дискуссионной теме по-прежнему присутствует, при этом особое значение имеют региональные исследования, раскрывающие сущность и характер отдельных пенитенциарных учреждений, являющихся частью гуглаговской системы и такой подход позволяет вывить специфику принудительного труда, как в разных производственных отраслях, так и в отдельных местностях. Актуальность темы очевидна и автор убедительно это показывает.

Научная новизна работы определяется постановкой проблемы и задач исследования.

Стиль статьи научный, есть также элементы описательности, которые дают возможность более подробно и обстоятельно раскрыть тему.

Автор дает качественный обзор источников и историографии по теме, отмечает, какие вопросы проблемы раскрыты глубоко, какие необходимо изучить. Данная статья посвящена изучению вопроса "численности и состава рабочего фонда,

трудоиспользования заключенного контингента одного из крупнейших лесозаготовительных лагерей региона — Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР. Хронологические рамки статьи определены 1947 г., временем образования ИТЛ, и 1953 г., периодом начала трансформации ГУЛАГа."

Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования. Структура работы логично выстроена. В начале статье раскрыта актуальность темы исследования, цели, задачи, представлены источники по теме, а также дан качественный анализ историографии по теме. В статье на архивных и иных документах показана статистика численность в разные годы по теме, показана на каких работах были заняты заключенные. Статья снабжена таблицами, что делает текст визуально более понятным и наглядным. В конце статьи автор приходит к объективным выводам и отмечает, что "основу трудового фонда Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР составляли заключенные, количество которых ежегодно увеличивалось и к 1952 г. достигло более 24-х тыс. человек. Применение труда осужденного контингента способствовало быстрому сокращению недостатка кадров в лесозаготовительной отрасли юга Кемеровской области. Трудовая деятельность осужденного контингента в лагере осуществлялась по четырем промышленным направлениям: лесозаготовка, лесопиление, сельское хозяйство и производство товаров народного потребления, но ведущим и приоритетным являлась заготовка древесины".

Библиография работы состоит из 20 разнообразных источников и дает возможность раскрыть тему.

Апелляция к оппонентам представлена в собранном автором материале и в библиографии.

Статья написана на актуальную тему и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.